

АЛЕКСЕЙ ГЕРАСИМОВ

МЕТКА ЗВЕРЯ 3

Право Дня и Право Ночи

18+

Алексей Герасимов

**Метка Зверя 3: Право
Дня и Право Ночи**

«Автор»

2026

Герасимов А.

Метка Зверя 3: Право Дня и Право Ночи / А. Герасимов —
«Автор», 2026

Через шесть лет после вынужденного переселения в другой мир, Алисе Ветровой приходится бежать через всю Терра Люпус, спасая младшего брата, чей редкий дар способен изменить судьбу этого мира. За ними охотятся волчьи кланы и древние маги, а единственным проводником становится злобный отщепенец с кровавым прошлым. Чтобы спасти семью, Алисе придётся раскрыть тайну Зинаиды Петровны, пережить предательство и решить, какую цену она готова заплатить за свободу семьи.

© Герасимов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шесть лет тишины	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алексей Герасимов

Метка Зверя 3: Право Дня и Право Ночи

Глава 1. Шесть лет тишины

Алиса проснулась оттого, что кто-то прижал к её губам холодные, липкие пальцы. Она открыла глаза, увидела над собой растрёпанную голову Мирона и несколько секунд решала, стоит ли начинать возмущаться. По спальне разливался аромат крови, мокрой шерсти и лечебной мази Владаны. За узким окном небо только начало светлеть. Белая луна уже опустилась к зубчатому хребту, а Кровавая висела чуть выше, окрашивая снег на дальних сопках в грязновато-розовый цвет.

— Только не ори, Лис, — прошептал Мирон. — Я никого не убил.

— Убери грабли.

Мальчик послушался. На его пальцах блеснула кровь.

Алиса села, откинула одеяло и нащупала под кроватью нож Зорены. Мирон стоял перед ней в длинной шерстяной рубаше, с голыми коленками и с надетой на ногу шлёпкой. Одной. Вторую он, похоже, потерял по пути в комнату сестры. Серебристая прядь призывно торчала над его левым ухом. Под мышкой брат держал серую лесную куницу, завернутую в полотенце из лечебного дома. Животное, обессиленно свесив голову, тяжело дышало. На каждом вдохе маленькие рёбра вздрагивали, а из разорванного бока сочилась тёмная кровь.

— Где ты её подобрал, мелкий?

— Она лежала возле каменной ограды. Я подумал, мама сможет зашить ей бок.

— Мама спит всего третий час после двух операций.

— Тогда ты зашей.

— Я лечу людей в дороге. Иногда волков. Куниц я не латаю.

Мирон посмотрел на сестру так, словно она призналась в чудовищном преступлении, и жалобно прошептал:

— Значит... она умрёт?

Алиса мысленно выругалась, выбралась из постели и натянула штаны. Пол в комнате был ледяным, пришлось искать тапочки. Местный примитивизм в плане быта раздражал девушку до сих пор. На Земле она спокойно могла дойти босиком до ванной, повернуть кран и получить в любой момент горячую воду. Здесь же приходилось с вечера ставить у печки кувшин, постоянно следить за дровами и надеяться, что Мирон не выльет питьевую воду в бочку с дождевыми червями ради какого-нибудь важного опыта. Пускай, за шесть лет она и успела привыкнуть к холоду в спальне, но примириться с ним Алиса так и не смогла.

— И куда же ты дел вторую шлёпку?

Мирон опустил взгляд.

— Ой... Она, наверное, осталась в лечебном доме.

— И каким образом ты оказался там до рассвета?

— Через дверь.

— Дверь в клинике запирают.

— Маленькая дверь была открыта.

— В лечебном доме нет маленьких дверей.

Брат помолчал и потупился, продолжая прижимать к себе куницу.

— Теперь есть.

Алиса обречённо закатила глаза. В пять с половиной лет Мирон Ветров умел проникать в закрытые помещения, находить спрятанные инструменты, разговаривать с узловыми камнями

и доводить взрослых до состояния, при котором даже Право Ночи волков начинало казаться удивительно гуманной системой воспитания.

Она зажгла свечу, отобрала у него куницу и уложила животное на стол. Рана оказалась глубокой, края уже успели забиться землёй и клочьями шерсти. На полотенце блеснула вышитая серебряная ветка — знак личных вещей Владаны.

— Ты ещё и мамино полотенце умудрился стащить?

— Оно было самое чистое.

— А щипцы у тебя откуда?

Мирон быстро спрятал руку за спину, но металлические концы предательски звякнули. Алиса заставила брата выложить щипцы на стол, затем отвела его к умывальнику и дважды вымыла ему руки водой с щелочным мылом. Мирон шипел, дёргал пальцами и уверял, что грязь защищает кожу от холода. Эту житейскую «мудрость» он слышал от одного из старейшин Боривого и использовал всякий раз, когда хотел избежать умывания.

— Грязь защищает тебя лишь от девочек, — сказала Алиса. — От заражения она не спасёт.

— Мне девочки и не нужны.

— Я припомню тебе эти слова лет через десять.

— Через десять лет я уже женюсь на Ярне.

— Эта карга старше тебя лет на сто, как минимум.

— Зато она умеет делать сладкую настойку.

— Железобетонный аргумент.

Алиса промыла рану куницы кипячёной водой, выбрала сор и осторожно ощупала брюшко. Кишечник, похоже, остался цел. Зверёк пытался кусаться, однако сил ему хватило всего на два слабых движения головой. Мирон держал свечку и сопел Алисе под ухо.

Девушка достала свой дорожный набор. Инструменты лежали отдельно: чистые в промасленной ткани, использованные в кожаном футляре с красной полосой. Шесть лет назад такое разделение вызывало у местных лекарей снисходительные улыбки. Но после того как в лечебном доме Владаны втрое сократилось число воспалений после операций, улыбки исчезли. Мачеха, будучи на Земле, успела почерпнуть кое-какие сведения из медицинских стандартов землян и активно применяла их в своём мире.

Алиса хорошо умела очищать раны, накладывать швы, останавливать кровь и определять по виду уже пару десятков лекарственных трав. Иногда этого хватало. Иногда человек умирал от заражения, которое на Земле вылечили бы курсом таблеток из ближайшей аптеки. Названия некоторых лекарств она помнила до сих пор, но формулы, способы их производства и нужное оборудование четырнадцатилетней школьнице добыть было неоткуда. Интернета с маркетплейсами в Терра Люпус не завезли.

На восьмом стежке дверь распахнулась. Владана, в длинной ночной рубаше и распущенными волосами, вошла в комнату Алисы. Серебристые пряди женщины падали ниже пояса, закрывая грудь. Со сна лицо мачехи казалось мягче, хотя серые глаза уже грозили виновному суровым разговором.

Максим вошёл следом. Волосы у мужчины заметно поседели на висках, да и в бороде появились светлые нити, но взгляд бывшего опера сохранил ту же неприятную способность находить правду раньше, чем человек успевал придумать удобную ложь. Отец посмотрел на Алису, потом на Мирона, затем на окровавленное полотенце и щипцы Владаны.

— Я правильно понимаю, — спросил Максим, — Мой сын снова обокрал лечебный дом, а дочь покрывает преступника?

— Я спасал куницу, — заявил МIRON.

— Вот в протоколе так и запишем.

Владана подошла к столу, положила ладонь на бок животного и прикрыла глаза. Под её пальцами проступили тонкие тёмные жилки. Куница судорожно вдохнула, расслабилась, и кровь в ране стала сворачиваться.

— Швы ровные, — сказала Владана. — Повреждены только мышцы. Внутренности целы.

— Значит, я могу вернуться в постель?

— Сначала найдёшь мне вторую шлёпку, — напомнил МIRON.

Алиса медленно повернулась к брату, едва сдерживая гнев.

— Ты разбудил меня, залил кровью стол, втянул в кражу лекарственных инструментов, и теперь я должна искать твою шлёпку?

— Я же ещё маленький!

— Когда ты проникаешь в запертую клинику, ты почему-то сразу становишься большим.

Максим взял сына за плечо и отвёл от стола. МIRON попытался спрятаться за отцом, однако тот развернул его лицом к Владане.

— Будешь неделю помогать в прачечной, — решила она. — И использованные повязки будешь носить щипцами. Руками к ним не прикасаться.

— Почему?

— Потому что я хочу вырастить сына, у которого все пальцы останутся целыми.

— У дяди Хальвара одного кусочка на пальце нет, а он вырос.

— Если продолжишь маме перечить, поможешь ещё и на кухне, — сказал Максим. — Там тебе подробно объяснят, сколько частей тела требуется человеку для чистки корнеплодов.

Мирон насупился. Через мгновение он заметил на подоконнике деревянную лошадку, схватил её и принялся катать по краю стола. О недавней смертельной угрозе кунице он уже почти забыл.

Алиса смотрела на брата и чувствовала привычное раздражение, к которому примешивалась нежность. Она любила Мирона легко, пока эту любовь можно было выразить сладкой лепёшкой, деревянной игрушкой или разрешением забраться к ней в кровать во время грозы. Повседневная часть родства доставалась всем остальным. Владана следила, чтобы он ел. Максим учил читать и отвечать за поступки. Ярна лечила разбитые колени. Человеческая воспитательница по имени Домна пыталась объяснить мелкому счёт и письмо. Алиса же появлялась рядом с братом между дозорами, приносила подарки и позволяла то, за что остальных взрослых Мирон назвал бы бессердечными мучителями.

Её это вполне устраивало. До сегодняшнего утра.

Дом Ветровых стоял на северной окраине Седого Перевала, где городская земля переходила в пастбища Серых. От нижней стены сюда тянулась широкая дорога с водоотводными канавами. Дальше начинались сосновые леса, каменистые склоны и старые тропы, которыми стаи пользовались задолго до появления человеческого магистрата.

За завтраком Максим получил свёрнутую записку из смешанной следственной палаты. Прочитал, бросил в очаг и продолжил есть кашу.

— Очередное убийство? — спросила Алиса.

— Пока только спор о том, имеются ли основания называть смерть убийством.

— Значит, опять человек зарезал волка на человеческой земле?

— Нет... Волк умер на дороге, а человек утверждает, что дорога принадлежит городу. Серые же считают её частью зимнего Следа.

— А мёртвый, что утверждал?

Максим уважительно посмотрел на дочь поверх кружки.

— В нашей палате... тебя ждёт большое будущее.

Владана сидела напротив, перебирая записи лечебного дома. За ночь к ней доставили двух молодых волков после неудачного оборота, женщину с тяжёлыми родами и мальчика, которому лошадь раздробила стопу. Она спала мало, однако усталость выдавали только чуть замедленные движения.

Максим коснулся пальцами её запястья. Владана подняла глаза, и между ними на несколько секунд установилось то самое, молчаливое согласие, которое Алиса наблюдала все шесть лет. Отец провёл большим пальцем по внутренней стороне женской руки. Владана едва заметно улыбнулась и накрыла его ладонь своей.

Со временем их близость стала куда спокойнее, но Алиса всё равно периодически замечала на шее отца следы зубов, а в лечебном доме Владаны все хорошо знали, что после долгих разлук пары руководительницу лучше не искать до полудня. Некоторые привычки у оборотней переживали войны, рождение детей и возраст.

— Домна сегодня остаётся в Верхнем городе, — сказала Владана. — У её сестры жар. Ярна принимает роды. Мирона придётся взять с собой одному из вас.

Алиса тут же перестала жевать.

— Я еду проверять сторожевой пост.

— Вот и чудненько. Дорога спокойная, — заметил Максим. — Да и Хальвар будет рядом.

— Но там старый узел.

— Который молчит уже восемнадцать лет, — сказала Владана. — Защитные подвески целы. Мирону полезно увидеть, как устроены дорожные знаки.

— Вы оба сейчас объясняете, почему пятилетнего шкета нужно отправить к разрыву?
— Мне пять с половиной, — вмешался Мирон.
— Вот видишь, — сказал Максим. — Почти сформировавшийся сотрудник дозора.
Алиса умоляюще посмотрела на отца. Тот выдержал её взгляд, но уголок рта едва дрогнул.

— Это... месть за куницу?

— Воспитательная мера.

— Я могу остаться дома, — предложил Мирон. — Один.

Трое взрослых резко повернули в его сторону головы и ответили одновременно:

— Нет.

Мальчик обиженно засопел.

Боривой приехал, когда они уже почти собрались. Старый Альфа Серых всё ещё держался в седле прямо, хотя спускался уже медленнее и перед первым шагом незаметно переносил вес на здоровую ногу. В последние годы у него плохо сгибались два пальца на правой руке, зимой всё чаще ныла поясница, а редкие обороты оставляли кровь в моче. Об этом знали только Ярна, Владана, Максим и Алиса. Для остальных Боривой оставался вожаком, рядом с которым даже самые злобные волки внезапно вспоминали о хороших манерах. Он привёз Мирону в подарок маленький меховой жилет.

— Щенок мёрзнет, — сказал Боривой.

— Мирон портит одежду быстрее, чем её успевают шить, — ответила Владана.

— Значит, пришьём жилет прямо к нему.

Мирон радостно обнял старика за пояс и сразу спросил:

— Деда, а когда ты умрёшь, я стану главным?

Во дворе наступила неловкая тишина. Алиса отвернулась и зажала кулаком рот, чтобы не заржать во весь голос. Боривой же положил ладонь внуку на голову и ответил, ни капельки не смутившись:

— Сначала тебе придётся победить мать, сестру и половину совета для этого.

— А папа говорит, что совет побеждать бесполезно. Со старыми маразматиками надо договариваться.

— Поэтому твой отец до сих пор живёт среди людей.

— Я тоже живу среди людей.

— У тебя ещё есть шанс исправиться.

Максим фыркнул и затянул ремень на дорожной сумке Алисы. За шесть лет Боривой признал Максима мужем Владаны и отцом своего внука, хотя временами обращался с зятем так, словно однажды собирался отменить этот брак решением очередного совета. Максим же не пытался ему понравиться и жёстко пресекал все попытки распоряжаться жизнью своей семьи. В Седом Перевале их отношения считались образцом союза между Правом Дня и Правом Ночи. Но за семейным столом этот союз регулярно трещал из-за Мирона: Боривой хотел воспитать внука по обычаям Серых, а Макс раз за разом напоминал Альфе, что мальчик родился человеком, не чувствует волчьего Следа и не сможет пройти первый оборот.

Хальвар уже поджидал у ворот. На виске оборотня появились длинные седые пряди, левая кисть плохо сжималась после последнего ранения, зато язвительность с годами только окрепла. Он увидел Мирона, сидевшего впереди Алисы, и тяжело вздохнул.

— А мне говорили, мы отправляемся проверять пост.

— Так и есть.

— Так почему третий лишний уже собрался засыпать меня вопросами?

— Я просто хотел узнать, — сообщил Мирон, — Куда девают кровь после казни.

Хальвар печально посмотрел на Алису.

- Верни его родителям. Пожалуйста.
- Поздненько метаться... Они уже заперли ворота.
- Какие мудрые волки.

До старого поста добирались чуть меньше двух часов. Первый час дорога поднималась вдоль широкой реки, изгибаясь на узком каменном уступе над водой. Течение здесь оставалось быстрым даже зимой. Между выступавшими из русла валунами белела пена, а возле берегов всё ещё держались тонкие полосы мутного льда. Несколько раз тропа сужалась настолько, что лошадей приходилось вести след в след, почти касаясь коленями мокрой скалы.

Дальше река сворачивала на восток, а дорога сворачивала между серыми утёсами. Ветер сюда почти не проникал. Снег сохранился в расщелинах, под нависающими камнями и возле корней низких горных сосен. На солнечных участках земля уже оттаяла, а из бурой прошлогодней травы пробивались острые зелёные побеги. Пахло мокрой хвоей, камнем и холодной водой.

Следы человеческого присутствия появились ближе к посту. Сначала вдоль дороги потянулись старые столбы с вырезанными знаками границы. Большинство покосилось, а на одном остались глубокие царапины, словно кто-то пытался содрать знак ножом. Затем впереди показалась сложенная из тёмного камня подпорная стена. За ней дорога делала последний поворот и выходила к седловине, где располагался сам пост.

Алиса ехала впереди. За шесть лет жизни в Терра Люпус её научили различать свежий След на промёрзшей земле, слышать изменение ветра перед оборотом и спать в седле во время долгих переходов. Тело девушки изменилось кардинально. Плечи стали шире, движения обрели уверенность, а под кожей постоянно жила готовность к превращению. От земной, четырнадцатилетней девочки остались только рыжие волосы, куча словечек, которые здесь почти никто не понимал, и привычка проверять снаряжение по списку.

Мирон сидел перед ней и разговаривал почти всю дорогу. Он спрашивал обо всём. Почему человеческие дорожные столбы ставят через одинаковое расстояние, кто измерил гору, видят ли мёртвые обе луны и сможет ли оборотень превратиться внутри кита.

- Здесь нет китов, — сказала Алиса.
- А на Земле были?
- Были.

- Ты видела?
- По телевизору.
- Телевизор — это стекло, в котором живут маленькие люди?
- Иногда мне кажется, что я хреново объясняю тебе про Землю.

Она почему-то запомнила всякую чушь гораздо лучше, чем лица одноклассников. Образ Мишки удержался в памяти дольше остальных. Иногда Алиса пыталась представить, каким парень стал за эти шесть лет: вытянулся ли после окончания школы, вспоминает ли первую любовь, исчезнувшую из его жизни? Но лицо Мишки с каждым годом вспоминалось немного другим. Алиса помнила его улыбку и голос, однако уже не могла поручиться, что память ничего из этого не исказила.

Иногда ей снился школьный коридор, наполненный детьми. Во сне Алиса знала их имена, смеялась вместе с ними и торопилась на урок, словно прожитых в Терра Люпус лет не существовало. После пробуждения в памяти оставались лишь цвет рюкзака, запах столовой и короткая трель телефонного звонка, которую она не могла воспроизвести целиком. Раньше такие сны заставляли её часами думать о возвращении. Теперь же Алиса почти что смирилась: дорога на Землю могла больше никогда и не открыться. Она ещё называла тот мир домом, хотя давно перестала строить планы, связанные с ним.

К двадцати годам Алиса оставалась невинной, хотя мужского внимания хватило бы и на нескольких менее раздражительных девушек. Первые ухажёры появились уже в шестнадцать: сыновья торговцев приносили дорогие безделушки, молодые волки приглашали её на ночные праздники, а племянник городского судьи прислал сватов после нескольких разговоров у колодца. Обычно девушке хватало одной встречи. Алиса задавала неудобные вопросы, смеялась над попытками командовать ею и однажды вывихнула палец сыну оружейника, решившему заменить её согласие крепким вином.

С молодыми оборотнями всё заканчивалось ещё быстрее. Во время полного оборота Алиса сохраняла человеческое сознание и слишком хорошо понимала смысл каждого движения возбуждённых волков: обход по кругу, демонстративно поднятый хвост, попытку прижаться боком или положить морду ей на холку. Волчье тело распознавало запах феромонов самца раньше, чем Алиса успевала его увидеть. Но вместо ответного интереса приходили злость и почти физическое отвращение. Она четырнадцать лет прожила человеком и воспринимала такие ухаживания, как грубое вторжение, от которого хотелось оскалиться и вцепиться наглецу в морду.

На одной из весенних охот молодой Серый попытался оттеснить её от остальных и перегородил тропу. Алиса для начала исполнила предупредительный рык. Самец решил, что она продолжает игру, приблизился и потянулся носом к её хвосту. Через несколько секунд он лежал в грязи с прокушенным ухом, а Алиса сжимала клыки на его горле. Боривой потом назвал случившееся полезным уроком для обоих. Алиса так и не поняла, чему должна была научиться лично она.

К восемнадцати годам число желающих заметно сократилось. К девятнадцати остались самые самоуверенные, а к двадцати даже они предпочитали любоваться Ветровой с безопасного расстояния. Максим наблюдал за исчезновением поклонников с плохо скрываемым удовлетворением. Владану это радовало куда меньше: она видела, как Алиса отгоняет перспективных волков раньше, чем успевала разобраться в собственных чувствах.

- А можно построить телевизор здесь? — перебил мысли девушки Мирон.
- Я не умею.
- Но ты же с Земли.
- Там люди тоже не умеют строить всё подряд. Папа, например, не умел делать холодильник.
- А что он умел?

- Находить тех, кто врёт.
- Это он умеет и здесь.
- Вот поэтому в Терра Люпус его уважают!

Старый сторожевой пост стоял у развилки. Низкая каменная башня давно потеряла верхний этаж. Рядом находились сарай, колодец и навес для сменных лошадей. Двое дорожных стражей встретили Хальвара у ворот. Под навесом сидели трое торговцев с телегой: у кобылы лопнула подкова, и местный кузнец ставил новую.

Слабую линию разрыва отмечали три вкопанных камня. На каждом из них висела медная подвеска с человеческим Знаком и узел из волчьего волоса. Тарий нанёс линию на дорожную карту восемнадцать лет назад. С тех пор Знак оставался бледным, След не менялся, а редкие колебания прекращались сами собой.

Мирон спрыгнул с лошади раньше, чем Алиса успела его поймать.

- Стой рядом.
- Стою.
- Рядом со мной.
- А насколько рядом?
- На расстоянии руки.

Мирон вытянул свою руку, сравнил длину и сделал шаг к камням.

Алиса тут же схватила брата за ворот жилета.

— Моей руки.

Пока Хальвар проверял записи поста, Алиса обошла узел. Подвески были холодными, а волчий волос пах пылью и старым жиром. Земля вокруг камней оставалась твёрдой. Никаких свежих Следов она не почувствовала.

Мирон присел возле крайнего камня.

- Там кто-то скребётся.
- Алиса повернулась к нему.
- Где?
- Внизу.
- Отойди от камней.

Мирон, игнорируя просьбу, приложил ухо к шершавой поверхности.

— Она говорит, что долго ждала.

Кровь в левой руке девушки стала горячей. Ощущение возникло под мышцами, будто кто-то перетянул сосуды возле плеча, заставляя пульс уходить в землю. Алиса всегда испытывала подобное возле разрывов. Владана называла это тягой границы. Сама же Алиса предпочитала слово «давление»: оно хотя бы не звучало, как приглашение судьбы испортить день. Девушка рывком подняла брата и быстро передала его в руки ближайшему стражу.

— Подержи-ка его.

Земля неожиданно дрогнула. Колебание казалось слабым, но вода в ведре у колодца пошла кругами. Медные подвески одновременно нагрелись, волчий волос натянулся и издал свист на ветру. Хальвар уже бежал к линии, вытаскивая короткое копьё и командуя стражам:

— Людей отвести в башню!

Между камнями на земле возникла тонкая белая трещина, из которой повалил холодный пар. Лошади у навеса беспокойно заржали, а та, что подковывали, ударила кузнеца плечом и едва не опрокинула телегу.

Алиса подтолкнула стража с Мироном в руках к строениям.

— В башню. Сейчас же.

Мальчик, не отрывая взгляда, смотрел на трещину. Его лицо стало серьёзным и удивительно взрослым.

— Ей больно.

Из земли показались три костяных пальца. Они цеплялись за края разрыва, словно пытались расширить щель. Следом вылезла узкая голова существа, покрытая прозрачной плёнкой. Под ней двигались челюстные мышцы и два мутных глаза. Тварь была размером со среднего волка в полном обороте. Передние конечности состояли из лишённой кожи костей, соединённых красными тяжами, а вторая половина тела ещё оставалась внутри линии.

Алиса почувствовала, как под ногтями возникло давление. Пальцы вытянулись, суставы сместились, на ладонях лопнула кожа. Вместо ногтей появились тёмные когти. Частичный оборот прошёл быстро, хотя боль дошла до локтей.

Хальвар ударил первым. Наконечник копья вошёл существу под челюсть. Тварь дёрнулась, перехватила древко костяными пальцами и вырвала оружие из рук оборотня.

Алиса прыгнула на монстра сбоку. Когти рассекли прозрачную плёнку, под которой почти не оказалось крови. Существо развернуло голову на слишком большой угол и щёлкнуло челюстями возле её щеки. Девушка увернулась и ударила снова. Кость треснула, один из мутных глаз вытек на морду сероватой жидкостью, но тварь продолжила выбираться. Трещина уже достигла длины человеческого роста.

— Алиса! — крикнул Хальвар.

И тут Мирон вывернулся из рук стража. Мальчик пробежал между ними, опустился на колени и положил ладонь на средний камень. Мир вокруг линии замер. Алиса успела увидеть, как серебристая прядь на голове брата задралась, хотя ветер стих. По запястью мальчика прошла белая полоса, камень под детской ладонью стал мягким, и пальцы Мирона погрузились в поверхность до первых фаланг. Костяная тварь снова раскрыла пасть, но звука уже не последовало, а вот трещина начала сжиматься. Существо рвануло вперёд, но линия перерезала пополам его грудную клетку. Кости одна за другой треснули, отсечённая верхняя часть упала на землю и рассыпалась серой пылью.

Мирон продолжал держать ладонь на камне.

— Убери руку! — Алиса схватила его за плечо.

Брат не отреагировал. Белая полоса поднялась уже выше локтя. Кожа на ладони Мирона стала почти прозрачной, а под ней проступили тонкие сосуды. Камень уменьшался, теряя вырезанные знаки и привычную шероховатость.

Алиса потянула сильнее.

— Мирон, отпусти!

Мальчик вдохнул, из его носа потекла кровь, а линия растворилась. Медные подвески погасли и сорвались с камня. Узлы волчьего волоса распустились. На карте, прикреплённой к стене поста, исчезла белая отметка Тария, оставив после себя лишь чистый участок пергамента. Мирон обмяк. Алиса поймала тело брата у самой земли.

— Мирон!

Мальчик не дышал. Она уложила мальчика на спину, запрокинула голову и прижалась ухом к бледным губам. Дыхания не было, но сердце под рёбрами билось, хоть и слишком редко. На Земле в такой ситуации она вызвала бы скорую. Кто-то назвал бы адрес, диспетчер дал инструкции, машина привезла кислород и лекарства. Здесь же вокруг Алисы стояли испуганные люди, а до лечебного дома оставалось два часа верхом. Алиса зажала Мирону нос и выдохнула воздух ему в рот.

Грудь мальчика поднялась. Она повторила, затем надавила двумя пальцами ниже грудины. Детское тело казалось пугающе податливым. На пятом нажатии Мирон содрогнулся и судорожно втянул воздух. Мальчик закашлялся. Кровь из носа потекла чуть сильнее. Алиса перевернула брата набок, вытерла его лицо рукавом и только тогда заметила, что у неё дрожат руки.

— Кто-нибудь принесите одеяло! Хальвар, готовь лошадей!

Мирон открыл глаза.

— Лис... Почему ты кричишь?

— Потому что ты идиот.

— Я же ничего не сделал.

Хальвар опустился рядом. На его щеке виднелся порез от костяного пальца.

— Узнаёшь меня, щенок?

Мирон долго смотрел на него.

— Ты... мамин больной?

Хальвар побледнел.

— Как меня зовут?

Мальчик наморщил лоб. На глазах ребёнка выступили слёзы от усилия.

— Я... забыл.

Алиса прижала брата к себе. Он казался холодным и почти ничего не весил. Через пять минут Мирон всё же вспомнил имя Хальвара. По дороге домой он спросил, куда Алиса положила его деревянную лошадку. Она напомнила, что утром он оставил игрушку на кухонном подоконнике. Мирон удивился. Он был уверен, что лошадка потерялась ещё прошлой зимой.

Владана осматривала сына в дальней комнате лечебного дома. Она проверила зрение, слух, чувствительность пальцев и заставила его отвечать на простые вопросы. Мирон назвал своё имя, возраст, обе луны и всех членов семьи. Он помнил куницу, утренний завтрак и дорогу к посту. Имя Хальвара вернулось, а вот деревянная лошадка исчезла из памяти полностью. Да на левой ладони осталась тонкая белая полоса.

Максим стоял возле окна. Алиса узнавала в молчании отца то состояние, которое всегда появлялось на месте преступления, когда первые догадки уже складывались в одну версию и очень ему не нравились.

— Камень стал совершенно обычным, — сказал Хальвар. — Следа нет. Знака тоже. Линия исчезла с карт.

— Со всех? — спросил Максим.

— Тарий проверяет вторую копию.

Владана приложила ухо к груди Мирона. Мальчик лежал смирно, хотя и поглядывал на дверь.

— Можно я проведу куницу?

— Позже, — ответила мать.

— Она может умереть, пока вы разговариваете.

— Куница спит. Ты тоже должен поспать.

— Я уже спал возле камня.

Владана закрыла глаза. Всего на мгновение. Потом укрыла сына и провела ладонью по его волосам.

— Домна вечером с тобой посидит.

— Я не маленький.

— Сегодня можешь побыть и маленьким.

Мирон хотел возразить, однако усталость мальчика победила. Через несколько минут его дыхание выровнялось, а взрослые вышли в коридор.

— Это что... была сила Зорены? — спросила Алиса.

— У рода Рубежных была такая способность, — тихо ответила Владана. — Остальное... я пока не понимаю.

— Он заплатил памятью, — сказал Максим.

— Возможно, временно.

— Ты сама в это веришь?

Владана выдержала взгляд мужа.

— Я верю в то, что нужно наблюдать за ним и записывать каждое изменение.

Алиса прислонилась спиной к стене. Она всё ещё чувствовала на губах холод детской кожи.

— Я должна была удержать его.

— Ты же не знала, что он способен закрыть узел, — сказал Максим.

— Я знала, что он не слушается.

— Это обычное состояние для Мирона.

— Он едва не умер у меня на руках.

Максим подошёл и положил ладонь дочери на затылок. В детстве Алиса утыкалась ему в грудь после ночных кошмаров. Сейчас же она была почти одного с ним роста, могла обернуться за три секунды, убить тварь из разрыва и провести отряд через зимний лес. Но отцовское прикосновение всё равно успокаивало быстрее любых разумных доводов.

— Ты вернула ему дыхание, — произнёс Максим. — Остальное будем разбирать по порядку.

Снаружи звонко ударил городской колокол. Один раз. Затем ещё раз. Хальвар подошёл к окну. По дороге к лечебному дому двигались шесть крытых повозок. На дверцах темнел знак из девяти прямоугольников, вложенных один в другой. Всадники носили белые плащи человеческих хранителей. Впереди ехал сухой мужчина с короткими седыми волосами.

Мирон в соседней комнате проснулся и закричал. Алиса влетела в дверь первой. Брат сидел на постели, прижав руки к груди. Он смотрел в окно на процессию.

— Что случилось, мелкий?

— Они услышали меня!

— Кто?

Мирон указал на приближающие повозки.

— Люди из камней.

Остен Рубежный представился Первым хранителем Дома Девяти Порогов. Ему было больше ста лет, хотя возраст выдавали главным образом сухая кожа на висках и осторожная точность движений. Высокий, худой, с прямой спиной и узким лицом, он казался старше главы Дома и одновременно крепче многих пятидесятилетних мужчин. Белые волосы Остен зачёсывал назад и стягивал у затылка чёрным шнуром. Почти бесцветные глаза смотрели внимательно, задерживаясь на каждом ровно настолько, чтобы тот успел почувствовать себя под микроскопом.

Из-под высокого ворота и широких рукавов тёмного кафтана на коже выходили линии Печатей. Одни давно побледнели и напоминали старые шрамы, другие сохраняли густой чернильный цвет. Поверх одежды на его груди висела прямоугольная пластина из почерневшего металла. Её покрывали обрывки писем: половины букв, незаконченные имена, отдельные знаки родства. Алиса не смогла прочитать ни одной строки целиком. В высокой переносице и резком изгибе бровей она обнаружила сходство с Зореной. От этого смотреть на Остена стало тяжелее.

Он говорил спокойно, обращался к Владане весьма уважительно и ни разу не назвал Боровоя животным, хотя тот прибыл с двумя десятками Серых и занял весь двор лечебного дома. Человеческий магистрат прислал вместе с Первым хранителем трёх чиновников. Смешанная палата направила ещё троих: секретаря с книгой регистрации и двух следователей, служивших под началом Максима.

Лиара Рубежная стояла справа от Остена. Ей было около тридцати, тёмные волосы женщина с глазами Зинаиды Петровны убрала под дорожный платок. На поясе висели футляры для печатей, чернил и металлических пластин. Пока Первый хранитель говорил, Лиара следила за документами и поправляла их расположение на столе, выравнивая края с точностью до волоса.

Слушание устроили в большой приёмной лечебного дома. Мирон сидел рядом с Алисой. Владана хотела оставить его с Домной, но Остен предъявил право наследника присутствовать при оглашении требований. Максим согласился. Алисе это решение не понравилось.

— Я пришёл сообщить, что решением человеческой коллегии, — произнёс Остен, — Мирон Ветров признаётся носителем Рубежной крови и наследником линии Зорены Рубежной, дочери Велимира Рубежного.

У Алисы под рубахой стремительно нагревалась медная пластина. Шесть лет назад у пустой могилы Ветрова, Зинаида Петровна назвала ей своё настоящее имя. Зорена Рубежная. Женщина, прожившая десятки лет на чужой для неё Земле, умерла, сняв с девочки метку Следа, чтобы Алиса смогла добраться до отца. Алиса обещала вернуть её имя домой. Первые годы она искала Дом Девяти Порогов. Три послания ушли в человеческие архивы, два — с караванами на запад. Но, ни на одно ответа так и не пришло. Теперь же Дом Зорены сам стоял у них на пороге.

— Где вы были все эти шесть лет? — спросила Алиса.

Остен повернулся к ней.

— Устанавливали истину.

— Как-то медленно вы её устанавливали.

Максим коснулся локтя дочери, предлагая помолчать.

Остен разложил бумаги. Согласно постановлению, Мирон должен был пройти обследование в Доме Девяти Порогов. Ветровых обвиняли в сокрытии истинного имени умершей хранительницы, а смерть Зорены описывалась как следствие принудительного ритуала, проведённого Максимом, Владаной и Алисой. Дом утверждал, что сила наследницы рода была присвоена через кровную связь и теперь проявилась в ребёнке Пограничной.

Читавший постановление чиновник начал запинаться. Покрасневший от гнева Боривой стоял у стены и неосознанно разминал плохо сгибающиеся пальцы.

— Вы обвиняете мою кровь в краже дара? — прорычал он.

— Решение вынесено по Праву Дня, — ответил Остен.

— Тогда вынеси его за городскую черту и повтори мне в лицо.

Представитель городского магистрата нерешительно поднял руку.

— Уважаемый Альфа... На землях Седого Перевала действует соглашение обоих Прав.

— Мальчик принадлежит Серым.

— Мальчик зарегистрирован в человеческой книге рождений.

— Он мой внук.

— Именно такие разногласия и должен разрешить суд.

Мирон потянул Алису за рукав и спросил:

— А почему дедушка сердится?

— Потому что люди принесли с собой слишком много бумаг.

— А разве... бумага опасная?

— Иногда даже опаснее кинжала.

Максим изучал постановление. Он поднёс один лист к свету, провёл ногтем по краю печати и попросил книгу регистрации смешанной палаты.

— Постановление ссылается на сорок четвёртый раздел учёта истинных имён, — сказал он. — Этот раздел приняли только через три года после смерти Зорены.

Лиара перестала выравнивать бумаги. Максим же расположил рядом две печати.

— Оттиск коллегии настоящий. Его просто перенесли на новый текст. Нижний слой воска старше верхнего, а здесь виден шов. Подпись свидетеля тоже вызывает вопросы. Вольтен Долгий умер за четыре года до ритуала, который якобы наблюдал.

В комнате вдруг стало тихо. Остен посмотрел на Ветрова с умеренным интересом.

— Это... серьёзные замечания.

— Это, многоуважаемый, называется подделка документов, — спокойно сказал Максим.

— Подлинность установит архив.

— Тогда до факта проверки вы даже на шаг не приблизитесь к моему ребёнку.

— Дом готов ждать решения суда.

Лёгкость согласия насторожила Алису даже сильнее угроз. Остен спешно собрал бумаги. Лиара же задержала пальцы на листе с ложной подписью. На лице женщины ничего не изменилось, однако к следующему документу она прикоснулась уже осторожнее.

Первый хранитель уверенно подошёл к Мирону и спросил:

— Ты слышишь голоса возле закрытых линий?

Мальчик прижался плечом к Алисе.

— Иногда.

— Они просят тебя помочь?

Мирон кивнул.

— Я тоже хочу им помочь, — сказал Остен. — Когда придёт время, мы поговорим об этом подробнее.

— Вы уже поговорили достаточно, — тихо процедил Мирон.

Остен поклонился Владане, затем Максиму и покинул комнату. Хранители разместились в гостевом дворе у нижней стены. Суд назначили на утро. Представители магистрата поставили у дома Ветровых две сторожевые Печати, официально предназначенные для защиты наследника. Максим потребовал снять их до проверки документов, но чиновники отказались, после заката Печати изменили своё назначение.

Первой исчезла надпись на воротах. Алиса случайно заметила это, возвращаясь из лечебного дома. Медная пластина всегда носила имена хозяев: Максим Ветров, Владана из Серых, Алиса Ветрова, Мирон Ветров. Теперь на ней остались лишь два имени. Её собственное и имя Мирона. Алиса коснулась пустых строк, и металл показался ей тёплым.

— Папа!

Ветров вышел на крыльцо. За ним появилась Владана в дорожных штанах и короткой кожаной куртке. Её волосы были заплетены в тугую серебристую косу. Отец увидел пластину и сразу же закрыл дверь.

— Все внутрь.

На улице один за другим гасли фонари. Соседний переулок резко потемнел, затем его начало заполнять белое свечение. Печати у перекрёстков вытянулись к земле, соединяясь тонкими линиями. Городская улица быстро замкнула границы вокруг дома Алисы. Хальвар, что шёл следом за Алисой, попытался пройти к воротам со стороны леса. Сделал пять шагов и снова оказался у дорожного столба, от которого начал. Серые Боривой прибежали почти одновременно. Один из волков попытался пересечь свежую границу городской земли, но ударился о невидимую преграду и рухнул. Из носа оборотня пошла кровь.

— Человеческие Печати сдерживают стаю, — сказала Владана.

— Значит, они подготовили эту схему заранее, — ответил Максим. — А сторожевые знаки стали последним звеном.

На нижней дороге появились магистратские стражи. Командир зачитал запрет на ввод вооружённой стаи в жилой квартал. Боривой потребовал право защитить кровь клана, но ему ответили ссылкой на городскую хартию. Снаружи зазвучали крики. Волки давили на границу, а человеческие Печати вспыхивали, обжигая им руки и грудь. Полный оборот внутри замкнутой улицы давался с трудом. След не мог закрепиться на земле, где каждое имя и направление уже подчинили письменному Знаку.

Максим снял со стены небольшой меч и передал Алисе.

— Скоро они придут за Мироном.

— Или, за нами обоими. В постановлении есть и моё имя.

— Согласен. Твоё оставили и на воротах, значит, тебя считают частью маршрута.

— Какого маршрута?

— Узнаем позже.

В окно дома ударила металлическая пластина. Стекло покрылось белыми письменами и рассыпалось внутрь. Владана заслонила собой детей. Осколки порезали ей щёку, кровь побежала к подбородку. В коридоре возник Ладомир. Омега появился из двери кладовой, куда его никто не впускал. За шесть лет Омега почти не изменился: сухое лицо, спокойные глаза, незаметная одежда. Этот волк умел проходить там, где даже сильных останавливали сила, гордость и чужое внимание.

— Ты был прав! Старый водосброс ещё открыт, — с облегчением сказал он Ветрову. — Печати ищут имена на улицах. Под землёй они гораздо слабее.

— Выведешь детей? — спросил Макс.

— Выведу.

Алиса шагнула к отцу.

— Мы уйдём все вместе!

— Проход узкий, а за домом следят. Если выдвинемся впятером, нас заметят у первого же колодца.

— Я останусь с вами.

— Нет.

— Я умею драться.

— Поэтому ты поведёшь Мирона.

Максим открыл тайник под лестницей, достал свёрнутую карту Тария, письмо в кожаном конверте и медную пластину Зинаиды Петровны. Пластина с отверстием для шнура была размером с ладонь и потемнела по краям. Все эти годы её поверхность оставалась пустой. Он быстро сложил все вещи Алисе в дорожную сумку.

— Карта показывает действующие линии и старые убежища. Письмо передашь Мареку Белому Клыку лично. Двигай в Тихую Пристань.

— Почему именно туда?

— Город стоит на трёх Правовых границах. Дом не сможет закрыть все дороги сразу.

— А потом?

— Дождёшься там Марека.

— Я спрашиваю, что будет с вами.

Максим затянул ремень сумки на плече дочери.

— Мы удержим дом столько, сколько получится.

— Па-ап...

Он взял её лицо в ладони. Алиса увидела усталый взгляд, морщины у внешних уголков и маленький шрам на подбородке. На Земле отец казался ей человеком, который мог сдвинуть горы. Да и в Терра Люпус он уже несколько раз доказал это, каждый раз вставая между семьёй и опасностью.

— Послушай меня внимательно. Сегодня брат – твоя стая.

— Я не хочу должность главы семьи.

— Её редко дают по желанию.

— Вы с мамой пойдёте следом?

Максим промолчал на секунду дольше, чем давала уверенность.

— Сделаем всё, что сможем.

Владана опустилась перед Миромом. Мальчик держал деревянную лошадку и с интересом рассматривал письмена на разбитом окне.

— Вы будете играть в осаду? — спросил он.

— Да, — ответила она. — А ты пойдёшь с Алисой по тайному ходу.

— Можно взять куницу?

— Она останется с Ярной.

— А если маги её найдут?

— Тогда куница их укусит.

Мирон улынулся. Владана поцеловала сына в лоб и долго держала ладонь на его затылке. Потом встала и повернулась к Алисе.

— После линии у него может подняться жар. Следи за речью, зрением и памятью. Если начнёт путать имена, записывай всё, что забудет.

— Я знаю.

— Знаю, что ты знаешь.

Владана обняла девушку крепко, с привычной волчьей силой. Алиса почувствовала запах дыма, травяного мыла и крови на щеке мачехи.

— Если он устанет, давай ему отдохнуть, — прошептала Владана. — Если испугается, говори правду.

— Какую?

— Ту, что сможешь произнести.

Снаружи снова раздался треск. Печать на входной двери вспыхнула и проникла в древесину. Написанное имя Максима исчезло даже с внутренней пластины. Ветров пошатнулся. Владана успела подхватить мужа, а на шее Максима проступили тонкие чёрные знаки. Они двигались под кожей, повторяя буквы истинного имени его зверя, которого Алиса никогда не знала целиком.

— Нам пора, — сказал Ладомир.

Алиса в последний раз посмотрела на родителей. Максим стоял, опираясь ладонью о стену. Владана прижималась к его боку и удерживала мужа на ногах. Его пальцы нашли её руку. Она повернула голову, и Максим поцеловал её в губы — коротко, жадно, с той телесной близостью, которая за шесть лет стала частью их общего дыхания. Владана ответила, прикусив его нижнюю губу, и отстранилась. На её растущих клыках осталась кровь пары. Они оба встали рядом у двери, а Алиса потащила Мирона вслед за Ладомиром.

Спуск находился под полом кладовой. Ладомир поднял каменную плиту, открыл узкий лаз и первым ушёл вниз. Алиса спустила Мирона, передала ему сумку, затем забралась сама и вернула плиту на место. В тоннеле пахло стоячей водой, известью и крысами. Потолок проходил так низко, что Алисе приходилось идти, согнувшись. Мирон быстро забыл о необходимости молчать.

— А куда течёт вода?

— Сейчас никуда.

— Почему?

— Водосброс старый.

— Нас здесь могут съесть?

— Только если продолжишь громко болтать.

— А кто съест?

— Я.

Мирон задумался.

— Ты не сможешь. Я твой брат.

— Это единственное, что тебя спасает.

Мальчик шлёпал по воде, прижимая деревянную лошадку к груди. Тоннель несколько раз раздваивался, но Ладомир уверенно выбирал нужный путь после короткого касания к стене. Его След был почти незаметным. Даже Алиса различала только запах влажной земли и слабую горечь страха. Над головой ударило так сильно, что с потолка посыпалась известковая крошка. Мирон тут же остановился.

— Это наш дом?

— Иди дальше, — сказала Алиса.

- А мама тоже идёт?
- Позже.
- А папа?
- Вместе с ней.
- Почему мы их не ждём?
- Потому что нужно выйти за стену.
- Зачем?
- Мирон, заткнись и иди.

Мальчик обиженно сжал губы. Следующие несколько сотен шагов Мирон не произнёс ни слова. Он спотыкался, отставал, но поднимался сам. Алиса несколько раз просила брата идти быстрее. Мирон кивал, хотя в темноте она едва различала его лицо.

Кровная связь с отцом проявилась у девушки ещё до её перехода в Терра Люпус. Она ощущалась слабым теплом под рёбрами, иногда — знакомым присутствием на границе сна. За шесть лет Алиса привыкла к ней и замечала только во время опасности. Сейчас связь словно бы натянулась. Она внезапно почувствовала боль отца оттого, что Чужая Печать сдавила ему горло, вошла в грудь и потянула из памяти имя. Максим сопротивлялся. Владана находилась рядом — Алиса узнала её по горячему Следу древней крови. Потом обе силы столкнулись с чем-то огромным и ледяным. Максим позвал дочь. Вслух он ничего не произносил, но его приказ возник внутри дочери, коротко и ясно.

Бегите.

И связь резко оборвалась. Алиса от неожиданности ударилась плечом о стену и остановилась. Воздух вышел из лёгких. Под рёбрами пульсировало пустое место, а тело сразу же заметило утрату: сердце сбилось, пальцы онемели, во рту появился металлический вкус.

— Алиса? — позвал Мирон.

Она прижала ладонь к груди. Отца с матерью больше не было в Следке стаи.

— Что случилось? — спросил Ладомир.

— Их взяли.

Омега не стал утешать девушку, только закрыл глаза и принюхался.

— Тогда у нас мало времени.

Алиса хотела развернуться. Представила лестницу, дверь, чёрные знаки на коже отца и Владану рядом. Она могла вернуться, убить одного хранителя, возможно, двоих. Потом Печати забрали бы и её имя, и Мирон остался бы в водосбросе один. На плече девушки висела сумка с картой, письмом и медной пластиной, а брат сегодня был её стаей.

— Вперёд, — приказала Алиса.

Мирон посмотрел на сестру, ожидая объяснения.

— Ты же велела мне молчать, — напомнил он.

Она едва удержалась от нового крика.

— Сейчас можешь говорить.

— Мама с папой проиграли?

— Они задержат плохих людей.

— Надолго?

— Не знаю.

Мирон нахмурился.

— Ты раньше сказала, что они пойдут за нами.

— Я сказала, что хотела сама слышать.

Это была вся правда, на которую Алиса сейчас оказалась способна. Водосброс вывел их к железной решётке. Ладомир открыл старый замок тонким куском кости. За решёткой тоннель шёл вверх и заканчивался среди кустов у подножия внешней стены.

— Дальше начинается земля Серых, — сказал он. — Идите к сухому руслу. Через поллиги увидите расколотую сосну. Там повернёте на запад.

— Ты не идёшь с нами? — спросила Алиса.

— Оставлю ложный След и догоню.

— Сколько времени?

— Дай мне сотню ударов сердца.

— Дам пять минут.

Ладомир улыбнулся.

— Ты всё ещё считаешь время по-человечески.

— В этом мире тоже есть минуты.

— Тогда десять.

Он коснулся головы Мирона.

— Слушай сестру.

Мальчик открыл рот, но снова вспомнил прежний приказ и промолчал. Ладомир ушёл обратно в тоннель, а Алиса вывела брата наружу. Ночь встретила их холодным ветром. Седой Перевал остался за стеной: тёмные башни, редкие огни, белое сияние человеческих Печатей над северной окраиной. Возле дома Ветровых поднимался столб дыма. Они прождали десять минут. Потом ещё десять. Ладомир так и не вернулся.

На городской дороге резко зазвучал рог, а в лесу ответили волки Боривоя. Между ними лежала граница, которую обе стороны пока не могли пересечь.

Алиса достала карту Тария. На пергаменте светились линии дорог, закрытых узлов и убежищ. Путь к Тихой Пристани проходил через горы, земли чужих стай и два человеческих округа. При хорошей погоде взрослый всадник преодолел бы его за шесть дней. У Алисы не было лошади. Зато был пятилетний ребёнок, потерявший часть памяти, деревянная игрушка и враг, способные переписать даже улицы вокруг родного дома.

— Ты знаешь, что делать? — спросил Мирон.

Алиса свернула карту.

— Конечно.

Медная пластина Зинаиды у неё под рубахой нагрелась, и она вытащила её. По тёмной поверхности двигались тонкие линии. Буквы проступали медленно, словно металл вспоминал их после долгого сна.

«Верни имя домой».

Мирон смотрел на хребет. Бордовая луна касалась вершушек гор, белая ещё не показывалась. Мальчик поднял голову, прислушался и крепче прижал деревянную лошадку.

— Та женщина снова плачет в камне.

За стеной города вспыхнула очередная Печать и на дороге появились всадники. Алиса схватила брата за руку и потащила в лес. Первые преследователи миновали нижние ворота даже раньше, чем дети добрались до сухого русла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.